

Фронт и тыл

Слева – раненые ливенцы в Ревельском госпитале.

Справа - Артиллерийская батарея Даниловского отряда ведет огонь по позициям красной пехоты

А. И. Куприн. Павлик Шувалов.

Так звали в Северо-Западной армии добровольца графа Шувалова, вошедшего в 1919 году в состав Талабского полка.

Стрелки промеж себя называли его «наш Павлик». Павликом Шуваловым он остался и поныне в памяти всех немногих офицеров, которых пощадила судьба во дни легендарного похода на Петроград.

В этом уменьшении имени совсем не было оттенка фамильярности или развязности: были любовь, привязанность и немножко неуклюжая, но очень теплая русская ласка.

Все, кто только ни встречался с Павликом Шуваловым, все добровольно и легко пленялись обаянием его аристократической простоты, его здоровой и беззлобной веселости, непринужденному чувству товарищества и быстрой способности к дружеской услуге.

В Северо-Западной армии никого нельзя было удивить храбростью, да, впрочем, об этом достоинстве никогда и не заходила речь. В бою берегли друг друга. Но особенным вниманием и с тревогою следили за Павликом Шуваловым, потому что он еще до наступления на Петроград потерял ногу и ходил с протезом.

Около графа Шувалова всегда безотлучно находился другой Шувалов, просто Шувалов, преданный Павлику с каким-то безграничным, собачьим обожанием. Во время атак он ходил как тень рядом с графом и, если случалось, что у графа Павлика Шувалова заскакивал протез, то Шувалов-стрелок нагибался и выпрямлял его.

Боязнь смерти была совершенно чужда Павлику. С обычной беспечной и прекрасной улыбкой он говорил иногда: «Одного бы я не хотел: это, чтобы меня ранило в живот. Противно.»

Недобрая судьба точно подслушала его: он умер от смертельного ранения в полость живота.

Шел ночной бой в окрестностях Царского Села. Большевики стреляли из тяжелых орудий с бронепоезда «Ленин» и с Гатчинского шоссе.

Павлик Шувалов вместе со своим преданным стрелком Шуваловым тянули пулемет, с трудом опознаваясь в ночном мраке, изредка озаряемом дальними взрывами снарядов.

И, вдруг, в самой середине Талабского полка оглушительно грохнула бомба, сотрясая землю. Смутный говор пошел по рядам стрелков и офицеров: «нашего Павлика ранило... Павлика Шувалова убило...»

Командир полка, генерал Пермикин, только что нынешним утром назначивший графа Шувалова своим адъютантом, поспешил к месту взрыва. При свете ручного фонаря он стал приглядываться. Но в эту секунду ослепительный луч вражеского прожектора набрел на место катастрофы и, ярко осветив его, остановился.

Стрелок Шувалов лежал ничком на земле недвижно и беззвучно. Павлик Шувалов лежал на спине и тихо сдержанно стонал. Пермикин нагнулся к нему. Слабая мученическая улыбка показалась на бледных устах Павлика.

- Конец, - прошептал он, - в живот... умираю.

Пермикин старался его ободрить.

-К чему отчаиваться, граф Павлик? И не такие еще раны заживают. Даст Бог, поправитесь...

Павлик слегка покачал головой: - Я не боюсь. Была бы спасена Россия... - простонал он. - А у меня к вам, ваше превосходительство, покорнейшая просьба.

- Ради Бога. Пожалуйста. Все, что могу.

- Умоляю вас, отойдите от меня подальше. Их артиллерия сюда пристрелялась.

Пермикин отказался и продолжал стоять над Павликом, ожидая носилок.

Через минуту, точно очнувшись граф Шувалов сказал еле слышно:

- Ваше пре...ство, разрешите курить.

Генерал вставил папироску в рот и зажег. Сделав одну затяжку, Павлик Шувалов выронил папироску и замолк, лишившись чувств.

Вскоре он умер.

Могила его безвестна. Но живым памятником ему осталась незабываемая, теплая, нежная память о нем всех знавших этого прекрасного человека, положившего за други своя и молодую радостную жизнь и чистую душу.

«Была бы спасена Россия!»

Куприн А.И. «Купол Св. Исаакия Далматского»

«...Ну и отличились же вскоре эти педагоги, эти ответственные друзья, вторые отцы и защитники детей!

Одновременно с вступлением белой армии приехали в Гатчину на огромных грузовых автомобилях благотворительные американцы. Они привезли с собою – исключительно для того, чтобы подкормить изголодавшихся на жмыхах и клюкве детей, – значительные запасы печенья, сгущенного молока, рису, какао, шоколаду, яиц, сахара, чая и белого хлеба.

Это были канадские американцы. Воспоминания о них для меня священны. Они широко снабжали необходимыми медицинскими средствами все военные аптеки и госпитали. Они перевозили раненых и больных. В их обращении с русскими были спокойная вежливость и христианская доброта – сотни людей благословляли их.

Со своей североамериканской точки зрения они, конечно, не могли поступить более разумно и практично, как избрать местных учителей посредствующим звеном между дающей рукой и детскими ртами. Ведь очень давно и очень хорошо, с самой похвальной стороны известен престиж американского учителя в обществе.

Но известно также – по крайней мере нам, – что в России «особенная статья». Таким густым, обильным потоком полилось жирное какао в учительские животы, такие живописные яичницы-глазуньи заворачали на их учительских сковородах, такой разнообразный набор пищевых пакетов наполнил полки учительских буфетов, комодов, шкафов и кладовок, что добрые канадцы только ахнули. Да надо сказать, что учительницы, которым доверяли детские столовые, оказались не лучше. Но эти злые мелочи не отвратили и не оттолкнули умную американскую благотворительность от прекрасного доброго дела.

Они только, через головы русской общественности, вынесли чисто практическое решение.

«Мы теперь должны позаботиться сами, чтобы на наших глазах каждая ложка и каждый кусок попали в детские рты по прямому назначению».

Так и сделали.»

Сторожевой постъ подь дер. Килли.

Служба Связи Ливенцев и северо-западников, Данциг, 1930,май, №2,с.7-9

Николай Реден «Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина.»

«... В течение нескольких недель, проведенных в Нарве, я был свидетелем прибытия многих добровольцев, но лишь немногие из них присоединились к боевым частям на фронте. Большинство же получали назначение на службу за линией фронта.

Я не мог понять, почему несуществующие части имели столь многочисленные штабы. Станным было и то, что требовалось так много людей в снабженческие органы. Я начинал сомневаться в том, что многие из добровольцев хотят принять непосредственное участие в боях с противником. Снова меня стали одолевать сомнения и дурные предчувствия.

Однажды вечером, совершая обычную прогулку по набережной, я встретил офицера с погонами прапорщика на плечах. Я отдал ему честь и собрался пройти мимо, как вдруг при слабом свете узнал старого знакомого. Мы присели на скамью у реки. По моей просьбе знакомый рассказал, что был на фронте несколько месяцев и что сейчас впервые получил отпуск. Пока приятель говорил, я его осматривал: рука на перевязи, лицо уставшее, в интонациях плохо скрытая горечь.

—Что ты делаешь в Нарве? — спросил приятель.

Я начал рассказывать. Он слушал с отсутствующим видом, а когда я закончил, последовала неловкая пауза.

—Странно, — нарушил он молчание, — на фронте для каждого человека есть работа на десятерых, когда же я прибыл утром в Нарву, то увидел на улицах офицеров больше, чем во всей армии на фронте. Впечатление общего ничегонеделания: военные заняты организационной работой, снабжением, канцелярщиной и бог знает чем, в то время как боевые части сидят в окопах без пищи, обмундирования и боеприпасов. Порой задумываюсь, для чего они вообще приехали сюда.

Его слова показались мне обидными.

—Полагаю, что, как и я, они находятся здесь не по своей вине. Я прибыл, получил назначение и счел, что у меня нет выбора.

Прапорщик молчаливо оглядел меня, тяжело вздохнул и сказал:

— Прости меня, пожалуйста, но я думал, ты знаешь: кто хочет попасть на фронт, может осуществить свое желание. Действует распоряжение, которое позволяет добровольцам, находящимся в тылу, подать заявление о переводе в боевые части. Старшим офицерам предписано удовлетворять подобные запросы без задержки. Уверяю тебя, что каждого нового человека на фронте принимают с распростертыми объятиями. Ну пока! — Он поднялся и скрылся в сумерках.»

«Я знаю, некоторые из вас посмеивались над моим увлечением Тарасом Бульбой, который был естественный тип средневековья, но любил я его не столько за это, а за упорную непримиримость к врагу, за стойкость в христианской вере, свободолобие и преданность своим товарищам. Он и погиб страшной смертью за эти идеалы. Я убежден, что скоро настанут страшные времена, которые по силе человеконенавистничества, жестокости и преследования христиан и вообще верующих в Бога превзойдут не только средневековье, но и жуткую эпоху ассирийских и египетских царей. Да, господа, скоро еще нам придется отвечать на вопрос: «Во Христа веруешь?», причем утвердительный ответ будет требовать немедленной защиты, с оружием в руках, христианской цивилизации. Поверьте мне, вопрос будет так поставлен, или победить, или влачить жалкую жизнь раба и лизать пятки большевистского хама!» Булак-Булакович, из письма офицера его отряда.

Пулеметчики Класинский и Н. Бочарниковъ.